

Анна
Былинова

СМЕРТЬ
В

Куропаткино

Детектив в таежных декорациях

Анна Былинова

Смерть в Куропаткино

«Автор»

2026

Былинова А. Г.

Смерть в Куропаткино / А. Г. Былинова — «Автор»,
2026 — (Детектив в таежных декорациях)

В зимнем Куропаткино снова беспокойно! На этот раз Аглае предстоит выяснить, кто убил первого красавца на деревне - Веню Кулакова. Понять, причем здесь африканские охотничьи танцы и какие грехи смывают на Крещение жители деревни. Аглая рискнет жизнью и проведет следственный эксперимент, а так же удивится тому, какие любовные тайны прячут ее односельчане.

© Былинова А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Колядки	6
Глава 2. Святая вода	14
Глава 3. Недоброе утро.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Былинова

Смерть в Куропаткино

Все события в книге вымышлены. Любое совпадение случайно!

Глава 1. Колядки

Выдумщики эти Ерофеевы. Что Янка, что Гришка. Это в их дуры головы пришла идея колядовать восемнадцатого января. Мол, традиции, мол весело. Ага, знали бы эти дуры головы, чем эти колядки обернутся, – молчали бы в тряпочку да по домам сидели. Но как говорится, знали бы, где упадём, соломку бы подстелили. И может, зря я на Гришку и Янку бочку качу.

Однако обо всём нужно рассказывать по порядку, пока ещё свежа память да эмоции не улеглись.

Зима в этом году выдалась удивительно тёплой и снежной, что нехарактерно для нашего края. Декабрь баловал Куропаткино как никогда. Народ устал от дурных новостей, потому вполне закономерно ждал от Нового года какого-нибудь чуда. А декабрь прям намекал на это чудо. Мол, ждите, ждите. И мы послушно ждали.

Прямо перед Новым годом, двадцать девятого декабря, приехал в Куропаткино передвижной театр с новогодней программой. Программа «Твори добро!» проходила по всей России, но главным образом передвижные театры, наподобие цирков, ездили по маленьким деревням. Впервые такое у нас было. На спектакль «Снежная королева» собралась вся деревня – еле-еле местный ДК вместил всех людей. Гришка и Янка Ерофеевы с ног сбились: на их плечи легли все организационные вопросы – чтобы стульев всем хватило, чтобы освещение было бесперебойным, и многое другое. Спектакль прошёл на «ура», артисты отыгрывали так, что мы сидели с открытыми ртами.

Многие ребята после этого спектакля серьёзно заявили, что хотят стать артистами. Другие просили родителей поехать в город, чтобы ещё раз сходить на спектакль. Бабушки и женщины собирались кучками, рассказывали друг другу о впечатлениях, охали, а потом все дружно разошлись по домам и вернулись к ДК кто с чем. Кто нёс заготовки, кто куриные яйца, кто молочные продукты, кто-то целого барана зарезал, а баба Шура Клопиха явилась с целым мешком вязаных носков и шарфов.

«Девки-то молодые, застудят ноги, а им ещё рожать», – заявила она и подарила этот мешок трупне. В общем, трупна из Куропаткино уезжала с торбами деревенских продуктов, с бутылками отборного самогона (бабка Люба-самогонщица постаралась) и обещала вернуться к нам весной с новым спектаклем.

Это были прекрасные два дня.

В этом году впервые за игрой в снежки были замечены не только дети и взрослые, поговаривают, даже покойники с кладбища не удержались и поднялись из могил – немного позабавиться.

Было это в середине декабря, когда школьники организованной, но галдящей гурьбой ходили в больницу на плановые прививки, а после обеда повалил такой снег, что мигом облепил воздух. Солнце светило где-то за манными тучами – самого его было не видеть, но золотистый свет окрасил всю округу волшебным сиянием. Ребятишки выскочили из больницы и, естественно, сразу кинулись играть. Веселятся, дурачатся, радостные, раскрасневшиеся. Потом те, кто помельче, отправились на детскую площадку – ту, что при школе, – а у больницы остались только Васька Кантимиров и двое его одноклассников.

Наигрались уже мальчишки, упали обессиленно в снег и принялись руками и ногами махать, чтоб птиц на снегу нарисовать. А Васька один стоял. И тут ему со стороны кладбища такой здоровенный снежок прилетел – да прямо по голове.

– Э-э! – Васька оглянулся. Никого. Лишь забор деревенского кладбища да чуть в стороне изба деревенской ведьмы и церковь.

Почесал Васька голову озадаченно, посмотрел на дружков своих – те всё птиц изображали да смеялись. Тут второй снежок прилетел ему в голову, да ещё кто-то со стороны кладбища мерзко захихикал. Васька, конечно, мальчик нормальный, ни в каких призраков не верит, но тут у него поджилки затряслись и по спине мурашки побежали. От золотистого снега почти ничего не видно – или видно, да очень мутно. Глядит Васька: у кладбищенского забора стоит чёрная, крупная тень и хихикает тихо. И тут в него прилетает третий снежок. Прямо оттуда – от черной тени.

– Вот кринж, – прошептал немало удивленный Васька. Он даже боли от снежка не почувствовал. Не отрывая взгляда от кладбищенского забора, Васька сказал друзьям:

– Гляньте, пацаны, мертвец в снежки с нами играет.

Пацаны головы подняли. Тень у кладбищенского забора снова захихикала. Мальчишки вскочили, заорали благим матом и бросились наутёк. А Васька, как вкопанный, секунду постоял, он-то мальчик смелый, но не в этот раз. Здесь его смелость сама испугалась и глубоко в сердце спряталась. «Беги!», – закричала ему оттуда. И Васька с криком бросился вслед за товарищами.

И пошла с тех пор молва по деревне – настолько прекрасная зима выдалась в Куропаткино, что мертвецы не удержались и восстали со своих могил, чтобы тоже в снежки поиграть.

Как-то утром я пошла в магазин и по дороге встретила бабу Шуру Клопиху. Она меня первой заметила. Увидела и кричит:

– Привет, Глашка! Как хорошо, что тебя встретила. Кой-чего расскажу тебе.

Я остановилась, поздоровалась с бабой Шурой. Одета она была в чёрное пальто и такую же чёрную шаль и издали напоминала крупную ворону. Даже валенки у бабы Шуры – и те были чёрные. Подошла ко мне, варежкой рот вытерла и говорит:

– Вышла я вчера на улицу, гляжу – хорошо-то как, тепло! Потом смотрю: шпана в снежки играет. Ну, думаю, дай-ка я детство вспомню. А эти засранцы малолетние испугались меня и убежали. Я чо, страшная такая? А, Глашка?

Баба Шура воззрилась на меня обиженными глазами.

– Да не страшная вы, баба Шура, не переживайте, – засмеялась я. – Это не вас они испугались. Васька Кантимиров говорил, что мертвецов увидел на кладбище.

– Мертвецов? – удивилась баба Шура. – Эть, дурачки малолетние.

Баба Шура немного помолчала, потом хитро захихикала.

– Ха, ну и пусть боятся! Мне даже так больше нравится...

Да-а, декабрь выдался волшебным. Много мы гуляли все вместе по улицам, катались с горок. Даже я Максима уговорила пойти покататься. Он посмеялся надо мной, но пошёл. А на следующий день залез на крышу отцовского дома, вытащил оттуда салазки. Настоящие! Пики, правда, потерялись, но Максим новые сделал, и отправились мы с ним на речку – на салазках кататься. А ещё через день Максима срочно вызвали в город – авария какая-то случилась на предприятии. Максим клялся и божился, что на Новый год вернётся, но не вышло. Встречала я Новый год с мамой и папой и немного грустила, не очень хорошая это примета – не с любимым Новый год встречать.

Новый год уже отгремел салютами. Да и не только салютами – некоторые мужики ровно в полночь вышли с ружьями на улицу и принялись стрелять в морозное, ясное небо. Весело отпраздновали Новый год – с размахом, как и полагается в русской деревне. Рождество народ отметил тихо и по-домашнему. Затем пришли крещенские морозы. Затихли ещё недавно оживлённые улицы. Стало слышно только, как мороз потрескивает. Собаки отлёживались на стогах сена и в будках, на улицу даже носы не показывали. Заходи во дворы да воруй, что хочешь. Но воровать давно уже никто не ворует – не девяностые ведь.

Моя мама работает главой администрации. Пятнадцатого января она уехала на какие-то курсы, а днём восемнадцатого января к папе пришли деревенские мужики: пойдём, мол, Петро, надо прорубь на речке прорубить, настил из досок поставить – чтоб всё честь по чести. В нашей деревне люди обязательно ходят за святой водой: если не полным составом, то процентов семьдесят населения точно.

Мой папа и местные мужики во главе с батюшкой отправились прорубь делать, а я занялась готовкой обеда. Решила папе борщ сварить да котлеты нажарить. Включила свою любимую песню – «По барам, я твоя карма-а!» – и от души подпевала во весь голос, так что не услышала, как в дверь постучали. Стояла и танцевала: с этой песней у меня особые отношения.

Песня закончилась, я – чрезвычайно заряженная и чуть запыхавшаяся – поворачиваюсь к кухне и подпрыгиваю от страха, потому что передо мной стояли Янка и Гришка Ерофеевы, брат с сестрой.

Стоят, скалятся. За спиной у Гришки мешок. Оба белобрысые, простые лицами и улыбочивые.

Ерофеевы славятся в деревне своим весёлым нравом. Гришка и Янка работают помощниками художественного руководителя в местном доме культуры, и своей тягой к праздникам и веселью превосходят даже самого художественного руководителя – своего отца Николая. На праздниках выступают они всем своим жизнелюбивым семейством: Гришка играет на баяне, голосистая и глазастая Янка распевает частушки. Анастасия, мать Гришки и Янки и директор ДК, обладающая глубоким, волнующим голосом, и когда поет на праздновании Дня Победы знаменитых «Журавлей», вся деревня натурально рыдает. Душевный у нас народ – как что, так сразу в слезы. Без разницы – свадьба ли, похороны ли, слеза всегда к месту. А еще любит наш народ в деревне семейство Ерофеевых.

– Ну звезда-а! – протянула Янка, а Гришка нарочито захлопал в ладоши и, смеясь, сказал:

– Тебе, Глаша, выступать надо на большой сцене, а не здесь коровам хвосты крутить!

– Да ну тебя! Вот чего вы так подкрадываетесь? У меня чуть сердце в пятки не ушло!

– разозлилась я.

Протиснулась между Янкой и Гришкой на кухню, открыла кастрюлю, чтоб посмотреть, как там моё мясо себя чувствует. Мясо закипало.

– Чего встали? Раздевайтесь, раз пришли! – еще сердясь, крикнула я Ерофеевым.

Янка с Гришкой скинули свои куртки, обувь. Я включила чайник.

– Дядя Петро на речку ушел? – это Янка. Я кивнула. – Ну а твой-то когда приедет?

Под «твоим» имелось ввиду Максим Суворов.

– Звонил вчера, не отпускают с работы. Ещё не закончили.

– Зато денег торбу привезёт. В праздники двойная оплата, – сказал Гришка и уселся за стол. Цапнул сразу печенье из вазы и стал жевать.

Я подсолила воду в кастрюле, закрыла крышкой и сказала:

– Максима ценят на работе. Специалистом такого узкого профиля днём с огнём не сыщешь.

– Ценят, потому что ездят на нём, – заржал Гришка.

Я не нашлась, что ответить, и отвернулась. Ведь и мне обидно, что Макс прямо перед Новым годом уехал. Но Гришка прав: Максим никогда никому ни в чём не отказывает. Сейчас он работает удалённо, но как только его вызывают – без лишних слов едет.

За спиной раздался шлепок – это Янка дала по спине братцу.

– Так, Глаша, – Янка обладала звонким и сильным голосом, и когда она к кому-то обращалась, поневоле начинаешь её слушать. – Ты не должна тут одна сидеть и куковать. Поэтому мы решили тебя позвать на наш «движ».

– Какой «движ»? – бросила я через плечо и стала наливать чай своим гостям.

– Раньше во многих деревнях существовала традиция – зимние колядки. Это когда люди обряжаются, ходят по домам и поют песни да частушки. Во-первых, развлечь население, во-вторых – самим развлечься. Вот мы с Гришкой и решили возобновить эту традицию.

Я прыснула. Янка замолчала. Я покраснела и сказала:

– Извини, продолжай.

Янка демонстративно поджала губы, выдержала паузу и продолжила:

– Сегодня первый день. Так что, думаю, ребята, нам понравится.

– Это мы ребята? – я усмехнулась. – Ну ты, конечно, загнула. На колядки последний раз в году эдак в 2005-м ходила.

– Вот, Глаша, вот. Сейчас эти традиции практически никто не соблюдает, потому нам надо показать пример подрастающему поколению. Вот поэтому и пойдём. Правда, исторически колядки начинаются шестого января, но тут мы чуть запоздали. Но ещё не поздно. Если всё классно пройдёт, на следующий год придумаем обширную программу и подключим больше народу.

Янка любит придумывать обширные программы для развлечения жителей Куропаткино. Она вообще на своём месте – помощница художественного руководителя СДК. Наверное, она и во сне придумывает всякие мероприятия. Да и Гришка тоже. Большая редкость сейчас встретить людей, которые искренне любят свою работу.

Я вздохнула при этой мысли. Я ещё не нашла себя. Давно уже уволилась из магазина в Москве, а здесь, в деревне, ничего себе пока не нашла. Да и кем мне тут быть? Все вакансии заняты. Правда, мама говорила, что в школе освободилось место вахтёра. Но я не пошла. Пусть лучше бабушка какая-нибудь вахтёром будет. А я... Наверное, уговорю Максима, и мы весной переберёмся в город, а там уже найду работу.

– Ян, – я поставила кружки перед Гришкой и Янкой, села и спросила: – Все время хочу спросить: почему ты разговариваешь, как председатель колхоза?

– Ну Глаша.

– Про колядки, конечно, интересная шутка. Лучше дискотеку двухтысячных проведите. В ДК тепло и музыка играет. Все в точности, как на теплоходе.

– Так ты ж не придёшь! – возопил Гришка. – Тебе только «по барам» подавай!

– У меня маски нет, – привела я последний аргумент.

Янка подмигнула и сказала с улыбкой:

– Об этом не переживай, у нас всё найдётся. Гришка, дай мешок.

Янкин братец вскочил, кинулся в раздевалку и приволок оттуда тряпичный мешок.

– Да вы что, реально собрались колядовать? – изумилась я. Всё-таки в глубине души я надеялась, что Янка шутит. Янка глянула на меня серьёзными глазами, и Гришка тоже застыл со своим мешком.

– Ну да, – с укоризной в голосе откликнулась Янка.

Вот тут я уже не захихикала, потому что была, мягко говоря, в шоке.

Гришка бросил мешок передо мной и сам, усевшись на своё место, принялся швыркать чаем и запихивать в рот печенье. Пихал, пока наконец все не съел, царапнул рукой по дну вазы, посмотрел как-то обиженно, будто не он все съел.

В мешке оказались самые разные маски. Тут были и простые – маскарадные, и пластиковые, и даже несколько по-настоящему качественных: морда волка, зайца со страшными зубами, козла. Эти я отшвырнула сразу – уж больно натуральные. Особенно мне приглянулась маска бабы-яги. Я извлекла её из мешка, повертела в руках.

– Прекрасный выбор, Аглая, тебе пойдёт, – съязвил Гришка. Я окатила его ледяным взглядом, но на Гришку никогда не получалось долго обижаться – он такой всегда: ершистый, весёлый, с вечной задоринкой в глазах.

– Ну хорошо, – я положила маску обратно в мешок и взглянула на Янку. – А кто ещё с нами будет?

Из всех, кого обошли Гриша и Яна, согласился поучаствовать в колядках только один деревенский парень – Стёпа Ветров. В деревне его называли просто Ветер. Высокий, зеленоглазый брюнет с бакенбардами, похожими на пушкинские; по характеру спокойный, производил впечатление несколько холодного молодого человека. Занимался Стёпа животноводческой фермой, перешедшей ему в наследство от родителей. Родители на старости лет купили евро-трёшку в городе и, вопреки ожиданиям односельчан, не отдали квартиру сыну, а сами уехали туда, чтобы на пенсии жить в хороших условиях, – наказав сыну беречь традиции и приумножать скот. Стёпа жил себе и ничем особо не выделялся среди сельчан. Правда, праздники он тоже любил: на Масленицу обязательно побеждал в соревнованиях по лазанию на столб, на летних играх выигрывал скачки на лошадях – потому и на призыв Ерофеевых откликнулся.

– И всё? – уточнила я.

– Нет, Аглая, ещё ты, – с нажимом сказала Янка. – Уже четверо, а значит, собралась неплохая компания.

Пока Гришка с Янкой сидели у меня, я сделала за жарку для борща, а Янка быстренько начистила картошку. И всё это время я сопротивлялась этому странному мероприятию под названием «колядки». Потом Янка психанула на меня и сказала, что я скучная для своих лет и что непонятно, за что Максим любит такую скучную девушку.

Этого я категорически принимать не собиралась, потому со словами: «Как ты представляешь, я это надену? Меня же засмеют!» – схватила маску бабы-яги, натянула на себя, повернулась к зеркалу и от души рассмеялась. Да, меня в этой маске засмеют, если, конечно, узнают. Но мой образ бабы-яги поднял мне настроение, а это главное.

Янка надела маску лисы – по-моему, слишком натуралистическую, – обняла меня, и мы посмеялись перед зеркалом.

– Всё, зайдём за тобой вечером. Посмотри, может, у тебя в кладовке где-нибудь найдётся старый тулуп. В общем, доверши образ, – сказала Янка, и они с Гришкой ушли.

Я нашла старую мамину приталенную шубу, примерила, покрутилась перед зеркалом и осталась довольна. Буду очень элегантной бабой-ягой. После занялась домашними делами. Часам к трём пришёл папа, и мы сели обедать.

– Плохо спал прошлой ночью, – пожаловался он. – Кемарну-ка пару часов после обеда.

После обеда папа лёг спать, а я пошла проведать Наталью Степановну и Васю Кантимировых. И пока я была у них, пока мы с Натальей Степановной чаёвничали, дома случилась странная история.

Папа лёг спать, когда ещё было светло. Проснулся он от того, что сквозь сон услышал, будто открылась дверь и в дом кто-то вошёл. Открыл глаза – в доме изрядно стемнело, потому включил светильник. Встал, отправился на кухню. Полоска света из комнаты проникала и туда, так что было достаточно светло, чтобы разглядеть все предметы и тех, кто пришёл в дом.

Ещё не совсем проснувшийся папа, зевая, вошёл на кухню и в прихожей увидел гостей, от вида которых его прошиб пот, и он застыл как истукан. Прямо перед ним стоял огромный чёрный козёл с редкой бородкой и острыми изогнутыми рогами, едва не достающими до потолка. Исполинских размеров козёл почему-то стоял на двух задних ногах и передними копытами опирался на длинный топор с блестящим лезвием, как старик опирается на трость. За страшным козлом с топором угадывалась рыжая морда очень глазастой лисы, которая тоже почему-то стояла на задних лапах. А рядом с лисой находился ещё один представитель фауны – белый заяц. Причём заяц выглядел совсем неестественно: и не потому, что тоже стоял на

задних лапах, как его спутники, и был ростом со взрослого мужика, а потому, что у этого зайца из распахнутой пасти красноречиво торчали длинные и острые на вид клыки. Этот факт поразил папу больше всего, и в его голове мгновенно пронеслась мысль: «Кажется, эволюция что-то перепутала и дала этому зайцу волчьи зубы». Удивительно, что именно эта мысль первой пришла ему в голову, а не та, зачем прямоходящие животные явились к нам в дом.

Однако на этот вопрос дал ответ козёл с топором, который, увидев папу, низким голосом спросил:

– Где Глаша?

Папа наконец закричал. Но нет, не от радости, что эти животные пришли не по его душу, а от того, что козёл заговорил человеческим языком.

Папа, надо сказать, человек не из пугливых, но кричал он так, как кричат все пугливые люди – душераздирающе и страшно. Так, по крайней мере, мне потом рассказала Янка.

Когда я пришла, моего папу отпаивали валерьянкой. Страхолюдская козлиная маска лежала на полу, а топор оказался бутфорским. Стёпа, увидев меня, лишь пожал плечами.

В восемь вечера мы вышли на улицу. Морозец сразу принялся пощипывать наши щёки, пробуя на вкус.

– Ну и холодина! – воскликнул Гришка. – Надо бы согреться.

С этими словами он закрепил баян на плечах, для порядка раза два растянул его. Баян недовольно скрипнул – видимо, на морозе ему тоже не особо хотелось играть.

– На поле за огороды, все ваши невзгоды – годы!.. – бодро запел Гришка.

Мы трое переглянулись, и Стёпа недовольно сказал:

– Может, чего посовременнее?

– А что? – тут же перестал играть Гришка, бросил на меня быстрый взгляд и заорал: «По бара-ам, в пьяном угаре», Глаш, чего молчишь? Твою песню поём!

Петь я не собиралась. Да ещё на таком морозе, потому шлёпнула Гришку по плечу:

– Да заткнись ты! – озлилась я. – Мы тут как лохи.

Гришка засмеялся, но орать перестал.

Янка наконец подала голос:

– Удивительно, но я согласна с тобой. Если на улице будем орать, то нас примут за пьянчуг.

Решили, что петь будем исключительно тогда, когда зайдём к кому-нибудь в гости.

Самым первым домом, где мы собирались попытать счастья, оказался дом Петровых – Андрея и Вали. Валя считается первой красавицей на деревне: высокая, статная, с толстой косой. А вот муж её Андрей, напротив, ниже её ростом, довольно сухощавый и как будто невзрачный. Невзрачный он совсем, когда один; когда же рядом с Валею, невольно всматриваясь в него пристальнее, чтобы понять – что она в нём нашла? Зелёные глаза его светились добротой и участием, лёгкая улыбка делала лицо тёплым. Может, доброту в нём и нашла Валя? А, может быть, то, что Андрей славился в деревне мужчиной хватким, деловым и уверенным в себе. За таким как за каменной стеной.

Во дворе Петровых жил алабай, которого Стёпа несколько не боялся. Когда алабай зарычал, Стёпа без страха подошёл к нему и потрепал по голове. Затем повернулся к нам и крикнул: «Заходите!» Мы втроём побежали к крыльцу.

У Петровых мы поняли, что совершенно не знали Стёпу Ветра. Точнее, не знали, какая у него романтическая душа.

Валя и Андрей встретили нас радушно, принялись отгадывать, кто есть кто. Гришка довольно смело растянул баян, чтобы ударить задорной музыкой по петровским ушам, но Стёпа остановил его рукой – погоди, мол. Мы с Янкой смотрели на него, ждали, что он скажет. А он набрал воздуха в грудь и вдруг запел. Причём голос у него оказался довольно приятный, и,

если бы я была на его концерте, может, даже всплакнула бы. Но пение его произвело довольно странный эффект: стоит перед вами устрашающего вида огромный человек в козлиной маске, выставил вперёд ладони, обтянутые красными, будто кровавыми перчатками, и поёт «Perfect» Эда Ширана. Ну это было конечно очень красиво и очень необычно. Мы я Янкой, никак не ожидавшие такого поворота, застыли.

Гришка несмело скрипнул баяном, затем заиграл – нежно и красиво, в такт Стёпиной песне.

Глаза Вали заблестели. Стоит, вся вперёд подавшись, внимает пению Стёпы. А вот Андрей. Как только я увидела его взгляд, я больше ни о чем не могла думать. Андрей стоял чуть сбоку от Вали, руки скрестил на груди и смотрел на Степу внимательно, почти не моргая. Я даже не знаю, как описать этот взгляд. Мне показалось, что он смотрел так, будто хотел «запомнить», чтобы потом, когда-нибудь обязательно «узнать» и убить. Я отвела глаза от Андрея, почему-то мне стало неприятно на него смотреть.

Стёпа почувствовал поддержку в виде музыки Гришки, запел громче. Ярче зазвучал его голос, и получился у нас целый номер – причём не запланированный. Как только Стёпа смолк, Андрей громко захлопал в ладоши и засмеялся. Когда я снова глянула на него, глаза у него были веселые.

Валя как будто смутилась, опустила голову и кротко улыбнулась Стёпе. Я знаю: Стёпа под маской наверняка покраснел до ушей.

Валя принесла огромный куль сладостей и разложила по нашим подставленным мешкам. И как только мы вышли, Стёпа сказал:

– Давно мечтал что-нибудь такое исполнить.

Больше нигде он не пел – стоял с нами, подтанцовывал немного. Ну то есть совсем немного: приподнимал и опускал носок сапога.

Когда мы пришли к дому Кулаковых, все были в прекрасном настроении.

– Коляда, коляда, отворяйте ворота!.. – загорланил Гришка. Для верности стукнул калиткой, во дворе пёс залаял – недовольно, но без злобы.

Гришка стукнул в дверь, подождал чуть-чуть, чтобы не смутить хозяев – мало ли чем люди могут заниматься в своих домах. Дождавшись из дому глухое «входите», мы ввалились в тёплый дом.

За столом сидели Веньямин Кулаков, мужчина лет тридцати трех, и его мать тётя Даша.

Веньямин Кулаков от досады кинул ложку на стол. Тётя Даша Кулакова вздрогнула, бросила на него тревожный взгляд и принялась увещевать:

– Ну что ты? Ну праздник же. Потерпи.

Веньямин нервно царапнул небритую щёку. Был он человеком нелюдимым, необщительным, и тётя Даша всячески старалась приучить сына к людям с самого его раннего возраста, когда в нём обнаружилась склонность к одиночеству.

Веня рос тихим и смышлёным мальчишкой. В школе сверстники его не задирали, поскольку тихий мальчик мог и в зубы дать, если что не понравится. Однако эта его драчливость и нелюдимость поначалу вызывала страх. А где страх – там рано или поздно ненависть. В Куропаткино Веню не особо любили, хотя девушки бросали на него влажные взгляды. Рос он тихим и нелюдимым, старался быть незаметным, однако сложно было не заметить рослого, плечистого парня с правильными чертами лица, вечной лёгкой небритостью и серыми глазами. От природы кудрявившиеся волосы свели с ума не одну представительницу слабого пола – замужнюю и незамужнюю. Природная брутальность и немногословность валили с ног любую, на ком задерживался взгляд Вени. А Веня... Веня никого не замечал. Работал вахтовым мето-

дом, ездил в Якутию добывать алмазы. Поговаривают, был у него роман с Валею Петровой, который не очень хорошо закончился.

Вот и сейчас Веня был недоволен незваными гостями. Стоим мы, тут Гришка загорланил что-то про дремучий лес и огороды, через которые мы шли за угощением. Врал, конечно. Не через огороды мы ходили, а вполне себе по улице.

Веня повернулся и грубо рявкнул:

– Уходите!

Гришка растерянно смолк. Веня встал и указал пальцем на дверь:

– Вон!

Стёпа в маске козла укоризненно покачал головой и цокнул.

– Нечего таким упырём быть, праздник как-никак! – буркнул он. Развернулся своей мощной фигурой и вышел вон. Мы тоже следом за ним.

Вышли на улицу – снег поскрипывает, луна насмешливо на нас глядит. Тихо так, хорошо. Смотрим: идёт кто-то навстречу. Я-то сразу узнала по походке, по тому, как парень одну руку в кармане держит.

– Макс!

Это был действительно он. Я подбежала и обняла его.

– Е-мае! Что тут без меня с тобой стало! – заржал Макс, увидев на мне маску бабы-яги.

– Ты чего не предупредил?

– Хотел сюрприз сделать. А я смотрю, ты тут не скупаешь! Я вас по баяну нашёл. Далеко слышно.

Максим оглядел Степу, Гришку и Янку и снова засмеялся:

– Ребят, вы че народ пугаете?

Никто ему не ответил. После того, как Веня выгнал нас, у всех пропало настроение.

– Пойдёмте по домам, – сказал Стёпа. – А ближе к двенадцати встретимся у тебя, Гриха, за святой водой поедem все вместе.

На том и условились.

– Сутки почти ехал, – поделился Макс дорогой, когда мы остались вдвоем. Выглядел он уставшим, с небритой щетиной. Когда мы пришли домой, я велела ему идти в баню, а потом ложиться спать.

– А ты на прорубь поедешь? – спросил он с некоторой обидой в голосе.

Глава 2. Святая вода

Ближе к полуночи мороз окреп. Луна спряталась за тучи, и с неба неторопливо посыпались крупные мягкие хлопья. Они кружились в жёлтом свете фонаря у ерофеевских ворот и ложились нам на шапки и воротники. Снег под валенками скрипел, как свежая капуста, а из печных труб по всей улице тянулись к небу сизые дымки. Вечером дома стали глазастыми: со всех сторон глядят на нас прямоугольными желтыми глазами, чего тут, мол, на морозе стоите?

Сначала мы стояли у ворот, притопывали, дышали в варежки и ждали Стёпу. Потом Янка сказала: «Что стоим, как дураки? Уазик есть. Глаш, идем в гараж».

Стёпу мы так и не дождались, потому решили, что он, скорее всего, уехал без нас. Гришка завёл уазик. Тот покряхтел, почихал, но всё-таки завелся, и мы с Янкой сели в него. Не успели отъехать от двора, как в свете фар замаячила щуплая фигурка, отчаянно машущая рукой.

Четвёртым в уазик залез Митрошка Зарубин по прозвищу Ондатра. Хитрый мужичок с постоянно бегающим взглядом. Маленький, юркий, с острым носом и редкими рыжеватыми усиками, которые вечно топорщились, будто он что-то вынюхивал. Из-под облезлой ушанки торчали оттопыренные, красные от мороза уши. Ондатру в деревне не любили, и никто ему не доверял. Но, как это ни странно, Митрошка водил дружбу с Веней Кулаковым. Что их связывало, никто не понимал, а однажды Ондатра и Веня сильно поругались, но об этом чуть позже.

Ондатра залез в машину с пластиковым пакетом. Пакет этот он бесцеремонно поставил уозле меня. Поставил и принялся усиленно тереть ладони.

– У-у, холодина! – протянул он. – Спасибо, Гриха, что остановился. Ты меня до больницы подбрось, я ж на смене сегодня. Пришёл на работу, вспомнил, что ужин забыл взять, и обратно побежал. А вы куда собрались?

Его хитрые глаза ошупали впереди сидящих Гришу и Яну, затем воззрились на меня.

– Так Крещение сегодня, - откликнулся Гриша, выезжая на заметенную снегом дорогу.

– От валит-то! - цокнул языком Митрошка, глядя, как освещённые фарами снежинки падают на лобовое стекло. - А я в это не верю. Святая вода? Вот утром с похмелья идешь к бочке, черпанёшь полковша - она ледяная, вкусная! Вот это я понимаю - святая вода!

И Митрошка захохотал.

Высадили мы Ондатру у больницы и поехали дальше, к реке. Дорога шла через поле. Фары выхватывали из темноты снежные перема́ты, а по обочинам в зимней дреме стояли черные деревья и во сне тянули к нам черные ветки. Пару раз хлестнули по машине, по кузову закрипело, будто острыми ногтями его царапали. Гришка машину не жалел.

У проруби светил фонарь: это Андрей Петров позаботился, чтобы людям было максимально удобно окунаться в ледяную очищающую воду. К проруби вели деревянные ступеньки, сделанные тоже Андреем. От чёрной воды в проруби поднимался лёгкий пар, будто река дышала. Вода в проруби чернела, и мне почему-то стало страшновато.

Погода была прозаически холодной. У январской погоды вообще нет никакой фантазии: холод, снег да мороз. Вот апрельская – у этой фантазии хоть отбавляй: то снег, то дождь, то солнце, то ветра и тучи.

Злой морозец щипал за щёки, лез под шубы и дублёнки. Но все же теплее было, чем раньше. Вполне терпимый мороз. Комфортный.

Народ потихоньку собирался: бабки в пуховых платках, повязанных прямо поверх шапок, мужики в тулупах, полусонные ребятишки, которых так и не удалось уложить спать. Люди подходили к проруби, размашисто и быстро крестились, окунали руки в студёную воду, полоскали лица, набирали воду и быстренько семенили назад к тропе, чтобы скорее бежать в машины и тёплые дома.

Мы вышли из уазика. Народу было уже много, но Стёпы Ветрова среди них не оказалось. Потом Янка махнула рукой – мол, смотрите! К реке ехала ещё одна машина. Белый новый уазик Тимура. Андрей Петров ему продал его, так говорят.

Тимур разнорабочий школе. Умелец на все руки. Разбирается в сантехнике, немного в электрике. Без калыма, так сказать, не сидит. Невысокий, крепко сбитый, смуглый, с чёрными, как смородина, глазами и вечно обветренными скулами. Поговаривают, что Тимур мечтает уехать в Москву и начать там новую жизнь, но у него долги перед банками большие. Когда Тимур был помоложе, очень уж любил он покутить в городе. Вот и накопил долгов к сознательному возрасту.

Тимур выпрыгнул из машины и, заметив нас, энергично махнул рукой.

– Ну чего? Окунались уже? – он кивнул на прорубь.

– Я – пас, - весело отозвался Гриша. - А Янка напарника ждала, с кем можно искупаться.

– Не ври, - поморщилась Яна. - Стёпа не с тобой?

Уже было видно, что Тимур приехал один.

– Не, не видел. – Тимур опустил на лёд пластиковые бутылки. Те бухнулись, подпрыгнули и дробно застучали. – Я-то окунусь. Говорят, можно все грехи смыть.

Парень с готовностью стянул с себя шапку и протянул мне:

– Не поддержишь?

– Легко.

Отдав шапку, он принялся расстёгивать рабочую телогрейку. Оглянулся на свой уазик.

– Ребят, полотенце в машине, потом дадите, ладно?

Я кивнула и сразу пошла к уазiku, открыла заднюю дверь. На сиденье лежали полотенце и железный ломик. Странное соседство, конечно. Я взяла полотенце и закрыла дверь.

Тимур разделся до трусов и, оставшись в зимних ботинках, ёжась от холода, двинулся к проруби. Возле нее он живо снял ботинки, ступил на деревянный настил босыми ногами.

– Народ, расступись!..

Держась одной рукой за деревянные выступы, заботливо сколоченные Андрюшей Петровым, Тимур окунул ногу в прорубь:

– Ух, какая!..

От холода Тимур прижал локти к животу. Что-то блеснуло у него в руке. Что-то серебристое, похожее на звезду в небе.

– Давай, смелее! – раздалось из толпы.

– Молодец, Тимурка!

А Тимурка, по-мальчишечьи взвизгивая, пошёл в воду и, перекрестившись, окунулся с головой. Первый, второй, третий раз.

«У-а-а!» – пронеслось над рекой. Народ стал похихикивать, все вдруг повеселели и оживились.

– Вот это хорошо-о! – воскликнул Тимур, отфыркиваясь и выходя из проруби. Я кинула ему полотенце.

Гришка глядел, глядел, а потом махнул рукой: «А была-не-была!» и стал быстро раздеваться.

После Тимура и Гришки ещё несколько деревенских мужиков решили окунуться, и речка почти в пляж превратилась. Только ледяной.

– Ну всё, вылазь давай, морж! – крикнула Янка брату, который окунулся уже раз шесть с головой.

Гришка, ойкая, вылез из проруби. Красный, как варёный рак, от него валил пар. Он вырвал у Тимура полотенце и стал энергично тереть голову. Тимур тем временем уже натянул кофту и брюки и схватил свою телогрейку. Из телогрейки посыпались всякие мелочи: ключи,

рукавицы, маленький тряпичный красный мешочек, гаечные ключи, даже маленький шуруповёрт.

– У тебя не куртка, а бабья сумка! – заржал Гриша. Хотя он и сам в эту минуту торопливо одевался, ничего не скрылось от его глаз.

Тимур присел, похватал вещи со льда и засунул всё в карманы.

– Так это же Тимур, он всё время спешит на помощь! – проходя мимо, отозвалась тётка Маша Шамова, круглая, румяная, в пуховом платке, из которого торчал только нос. – Где свою команду потерял, Тимурка?

Тимурка усмехнулся. Он привык к этой заезженной шутке про Тимура и его команду. А может, как раз эта шутка и сделала из него человека душевного.

– Ты когда ехал, Стёпу не видел нигде? – спросил Гришка, вспомнив про нашего не явившегося на купание друга.

Тимур мотнул головой:

– Да не видел, говорю же. Наверное, уснул.

– Наверное, – согласился Гришка и весело глянул на нас. – Ну, девчата? Чего стоим? Воду набирайте да поедem.

Мы с Янкой осторожно наполнили пластиковые бутылки святой водой, закрутили крышки и потрусили к уазику.

Из окна машины я видела, что Тимур завёл свой уазик и теперь грелся внутри. Потом к нему подошёл Андрей Петров, залез в кабину, и они о чём-то заговорили.

Мы поехали домой. Уазик подпрыгивал на ухабах, бутылки со святой водой постукивали у нас в ногах, а снег всё шёл и шёл.

Глава 3. Недоброе утро.

Помню, раньше в Крещение мама с папой всегда рисовали мелом крестики на дверях и на окнах. Однажды я спросила маму, для чего? А мама сказала, чтоб черти в дом не вошли. Мне тогда было лет шесть, я выпучила на маму глаза: «Какие еще такие черти?». Мама в тот вечер увлеченно готовила жаркое. Напевая песенку, она стучала ножом по разделочной доске - крошила овощи. Потому, не оборачиваясь к своей пугливой маленькой дочке, весело сказала: «А такие, доча, страшненькие: у них вместо носов пятаки, на голове рога, на ногах копыта и черный, длинный хвост, а сами они черные-черные, как будто из печи вылезли».

Я больше ничего не спрашивала. Ушла в свою комнату и смотрела на белый крест из мела на окне. За окном мне чудились шорохи, скребки, хихиканье. Видимо все черти собрались под моим окном. Ночью я не могла уснуть и когда во всем доме выключили свет, я с диким ревом бросилась в родительскую спальню.

«Что такое?», - перепугались мои родители.

«Ко мне черти скребутся!»

Папа потом долго убеждал меня, что чертей нет, что крестики - это просто добрая традиция. Я была девочкой умной, потому кричала папе, что он врёт, чтобы успокоить меня. А папа поглядывал на маму укоризненно и цокал языком.

Утро началось недобро.

Разбудил меня стук в дверь, громкий и настойчивый. С таким стуком не за солью приходят. За окном уже рассвело, стёкла до середины затянуло морозными узорами. Поди очень холодно там. Я накинула теплый халат и побежала открывать.

Мама моя работает в администрации, потому со всеми чрезвычайными ситуациями в нашем посёлке бегут к трём людям: к моей маме, к фельдшеру и к участковому. По тому, к кому идут первым, можно судить о серьёзности дела. Если сначала идут к врачу, тут и к бабке не ходи: кто-то заболел. Если к участковому, значит, кто-то подрался. А если к маме, да ещё с раннего утра, значит, случилось что-то серьёзное.

Однако мамы моей не было: ещё пятнадцатого января она уехала в город на какие-то курсы.

На пороге стоял дядя Саша сосед. Он весь был в инее: брови, усы, даже ресницы, будто только что из сугроба вылез. Лицо у него было серое и растерянное. Зашел, поздоровался, маму спросил. Нету, - говорю, - мамы, уехала.

— А-а-а, екарны! Я и позабыл, что Марии нет. - расстроился почему-то дядя Саша, почесал шапку варежкой и посмотрел на меня. - Ну, значица, собирайся, Глашка, будешь за заместителя.

Я зевнула.

— Зачем? Куда? И в сельсовете же секретарь есть. Ксюнька обычно маму заменяла. Она вроде никуда не уезжала.

— Есть, Глаша. — Дядя Саша вздохнул, подумал. — Но она на сносях. Потому нельзя ей присутствовать.

То, что Ксюньке Куприяновой скоро рожать, я знала. Только вот почему ей нельзя присутствовать на работе, было непонятно. Так и спросила:

— Почему нельзя?

Дядя Саша снял меховую шапку, помял шапку в руках и стал кусать губы.

— Да что случилось-то? - не выдержала я этой паузы слишком странной для раннего январского утра.

– Ночью Венямина Кулакова убили. Беременной нельзя присутствовать на разбирательствах, это самое. Там же все подробности будут. Вдруг испугается и, это самое, родит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.